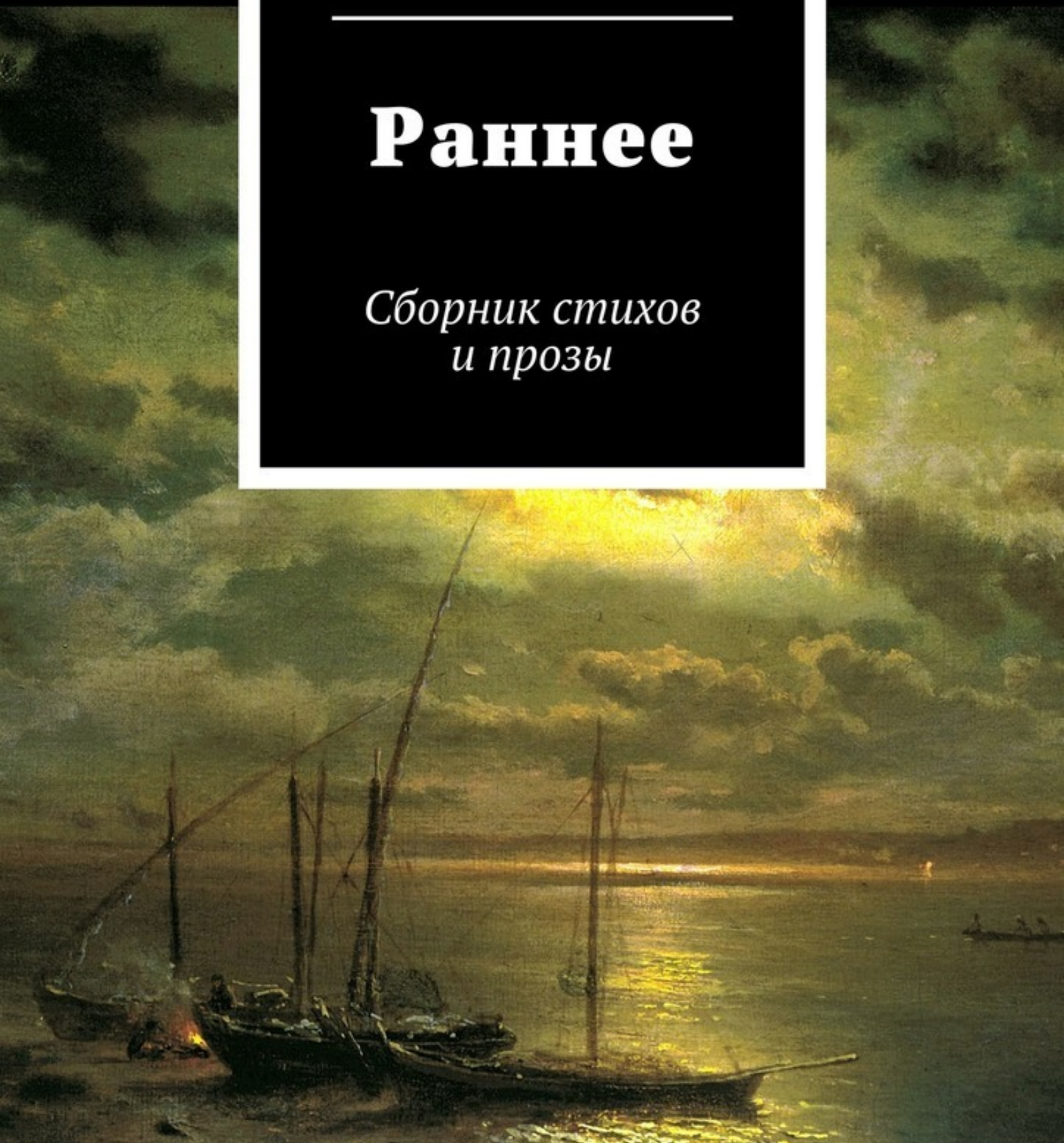

О. А. Алексеенко
А. С. Новикова

Раннее

*Сборник стихов
и прозы*

Оксана Алексеенко

Раннее

«Издательские решения»

Алексееенко О. А.

Раннее / О. А. Алексееенко — «Издательские решения»,

Говорят, личность человека формируется в период с его рождения до семи лет, когда ребенок приобретает минимальный запас навыков, необходимых для жизни в обществе. Все оставшиеся годы человек совершенствуется, накапливая опыт. Каждое чувство, переживание, повторяясь или возвратившись, приобретает новый оттенок, новые грани, пробуждая в душе интерес к самоанализу. Но, увы, подчас путешественники в мир Подсознания обличают не лучшие свои черты. А что, заглянув в себя, можете рассказать Вы?

Содержание

Поэзия	7
Море	7
К ***	8
Могила	10
К Юнгу и Вайсбанду	11
Сердце	12
Узник	13
Прости	14
Молитва	15
Мечта	16
Одиночество I	17
Память	20
At first sight	21
Звездная пыль	22
Юная немка	23
Das schwarze Meer	24
Кто я?	25
Я буду помнить!	26
Jede Bewegung ein Schmerz ¹	28
Der Seemann	29
Frau Welt ²	31
Подражательница	32
Несказанные слова	33
Моя борьба	34
Осужденный	35
Пророк	36
Святой	37
Одиночество II	38
Фетиш	39
Сделка	40
Зазеркалье	41
Занавес	42
Ветер	43
Дыхание Смерти	44
Морена	45
Игрок	46
Кровь на снегу	47
Печальный ангел	48
Одуванчик	49
Врагу	50
Король умер	51
Вновь	52
Глаза	53
Обличитель	54
Мучитель	55
«Исполненным стыда любовь признал...»	56

Утро принца	57
Свеча	58
Лунный свет	59
Спирит	60
Пародийные четверостишия	61
О любви (Утес)	61
Солнце (Белеет парус одинокий...)	61
Люди (Благодарность)	61
Вампир	63
Тень	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Раннее
Сборник стихов и прозы
Оксана Анатольевна Алексеенко
Анна Сергеевна Новикова

© Оксана Анатольевна Алексеенко, 2016

© Анна Сергеевна Новикова, 2016

© Анна Валерьевна Акулич, иллюстрации, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Поэзия

Море

Зачем себя позволили любить?
Ведь жил без Вас я, позабыв азарт.
А Вы меня втянули в сеть интриг,
Все обратив, что было, в сущий Ад.

И грез моих застойный уголок
Вдруг закипел, подняв бурлящий вал,
Что бриги чувств моих со дна вздымал,
И ветром паруса раздулись вновь.

Хоть не держал корабль наш верный курс,
Пусть тихий флот к берегам пригнал прибой,
Мы об руку прошли сей бранный путь,
Как капитан и верный рулевой.

...Себе я Вас позволил отпустить,
Но почему теперь смущен стою?
Ведь Вы себя позволили любить...
Ах, знать бы только, леди, почему...

Но нет, я не жалею ни о чем,
Ведь все б отдал за то, чтоб Вас лобзать...
Но вверьте сердце Вы свое тому,
Кому его не стыдно отдавать.

К ***

Цепями обвила крапива, движения стесняя,
Вновь рвет, словно клык искривленный, плоть шип, уж иссохший,
И, насквозь пронзая за год огрубевшую кожу,
Гной пьют стебли плюща, в ослабшее сердце вгрызаясь.

Слезой кислота по щекам моим мерно стекала,
Под ногти вонзившись, в крови обагрились иглы,
Но ради цветов, что ты, триффид, лишь мне подарила,
Готов как безумный лобзать ядовитое жало.

Сливался с тобой и, обвитый рукою-лианой,
Не сдерживал я сладострастия тихого стона.
Из венчика вновь напоенный дурманной слюною,
На грудь твою, словно на ветви, главу опускаю.

Пусть корни любви, разрастаясь, калечат, снедая,
Пусть острые ногти, что шип, разрывают мне спину!..
Как дикие джунгли тебя полюбил я, богиня,
И снова дарю лишь тебе, столь прекрасной, признания.

...Вдруг с темных ресниц ветер срывает прозрачную каплю,
Вот взор суровеет, что море, накрытое мраком,
И бледность, как пена, ланиты, твой стан покрывает,
Дыхание, сбившись, сжигает могильным уж хладом.

И огненный столб от земли до небес над волнами,
Набухшую почву взрывая и в воздух подбросив,
На миг озаривши вокруг все сиянием, простерся
И снова исчез, потрясая скалу громоуханием.

...Вновь бьется и мечется вновь меж утесами море,
Соленые брызги суденышку в гневе бросая,
И топит в себе, уж корму пробивая валами,
И палубу гложет, ревниво сокрыв под собою.

Вновь пленный... Но моря седого объятия стальные
И близость, дыхания хлад непокорной стихии
Мой нрав беспокойный, бунтарский навек укротили,
Став робким, лишь здесь нахожусь в состоянии «штиля».

За каплею капля, на сердце мое упадая,
Любовь камень точит, пронзая жестокою болью.
Зачем же свела, nereida, Судьба нас с тобою?
Затем ли, чтоб яд этих дьявольских чувств принимал я?

Когда же святой избавитель с Небес мне явится,
Когда же покой мне подарит оскал иль улыбки?..
Но Время все вертит, стена, проклятые стрелки,
И райски кукует, являясь из тени вдруг, птица.

...Вот Смерть уж невинных из рук и цепей вынимала,
Как, гвоздь забивая в сырую от слез крышку гроба,
Ревниво склонилась принцесса, прощаясь со мною,
И скорую встречу, но в жизни другой обещала.

Могила

Ласковый демон к устам охладевшим приник,
Душу у тела принял и извергнул на землю.
Призраком хладным я, мертвый, восстал и затих,
Нежно тревогу в груди обнаженной лелея.

Персты архангела, члены с моими срослись,
Свету навстречу мои же разверзнул Он вежды,
В алых устах, вновь подвижных, ворочал язык...
Вмиг на спасение, смирившись, отверг я надежду.

Призрак, немой и печальный, гонимый Судьбой,
Жизнию грешной отринутый, Адом и Раем,
Тихо я грезил о радости встречи с тобой,
Ангел блаженный, пречистый, богиня, святая...

Ради свидания с тобою себя погубил,
Столь вероломно призвав к клетки запертой духов,
Тело отдал ярым демонам... Сладостный лик
Милой своей в их чертах вдруг узрев на минуту.

Землю поправ невесомой ногой, я взлетел,
Легкий, как ветер, что, рея, колышет бутоны.
Освободиться скорей от брони тяжелой тел,
Преодолев расстояния, желал я живому.

...Помню, к любимой окну в нетерпении приник
Я... и услышал из спален твой стон сладострастия.
Полный отчаяния, нечеловеческий крик
С уст, побелевших вдруг, в глотке клокоча, сорвался.

Тихо упал я на землю, что сломанный мак,
Слез не текла по щекам моим теплая влага.
Только лишь Вечность объяла, лаская, меня,
Только лишь звезды шептались со мной, утешая...

Так пролетели, сменяя друг друга, года...
Редкие гости, бродя по кладбищу святому,
Только дивились, как к чьей-то могиле трава,
К сердцу прогнившему тихо прильнула главою.

К Юнгу и Вайсбанду

И зачем чужеродной фамилией гордо венчаться?
Ярлыки с непонятными кличками модно навешивать...
Ведь Судьбой уготовано людям рождаться разными,
Всем по-разному чувствовать, жить и терзаться надеждами.

Светлоокий романтик, актриса, бунтарь, «царь» и трагик,
Критикан, мизантроп и гурман, выпендрожник-садист...
Вот способная войны разжечь беспокойная дама,
Вот спокойный, слегка флегматичный спортсмен-культурист,

Вот угрюмый мужчина с душою невинной ребенка,
Бросив страждущий взор из под темных нависших бровей,
Смотрит хмуро, как резвая баба с тяжелой котомкой
Скачет между машин, напевая под брань лихачей...

Официант из кафе, как всегда непомерно веселый,
Рассудительный, в меру язвительно-колкий сосед,
Резкий, грубый кассир и приветливый, ласковый дворник,
Вечно строящий что-то и всем недовольный студент...

Рассуждения мои не для вас остаются неясными
И намек тем, кто чувствует, знает, уверен, понятен:
Называйтесь лишь теми, кем вас называли матери,
Ибо жизнью всех тех, кто почил, на живущих не хватит.

Сердце

Что-то вновь говорить и бросаться изящными фразами...
Вездесущие Бога доказывать с помощью опытов
Так же глупо, как рушить мечтания атомной бомбой,
Заключать в материальный сосуд суть абстрактных понятий.

Только почестей всяких, принцесса, тебя удостоил:
Душу продал – за счастье твоей не потребует демон,
Ну, а сердце тебе лишь досталось бы... где-то живое
(Хладный разум сих слов отторгает прямое значение.)

Просто вялый мешок полный чувств, а не сильная мышца
Мое сердце... и сам от него был не сильно отличен.
Полюбуйся же чучелом, ангел! Пусть то неприлично,
Громко смейся, заслышав, над полным страдания стоном.

...Ребра выломал Данко, разверзнув кровавую пропасть,
Но, влюбленный, лишь уголь холодный к ногам людским бросил.
Пламя жарко лобзало когда-то тяжелые кости,
С хладом встретившись раз пред тобой, затрещав, вдруг угасло.

...Уж в закатных лучах развивались упругие жилы,
Мерно сея кругом землю вновь обогрившие капли...
Почему ж позволяла любить, королева, скажи мне?
Не убить ли хотела отказом своим?.. Нет, навряд ли.

Узник

Червями голодными камни вгрызаются в спину,
И кольца стальные сжимают костлявые руки.
Нет сил больше биться, стенать и испытывать муки;
В темнице жестокой, холодной любви твоей сгину.

Столь мерзки и впадины глаз, и иссохшее тело...
Я падаю на пол, опять твои ноги лобзая.
Не знал я, что жили с тобой мы в преддверии Рая,
Желал вознестись и в Аду теперь корчусь. За дело.

Холоден и яростен взор, губы кривишь брезгливо,
А я все тяну, как безумец, к тебе свои руки.
Богиня... Признайся, любила раба ты со скуки,
Лекарством от боли душевной была наша близость.

Уж Рок, отбивая прозрачными пальцами ритмы,
Целует меня, умертвляя ослабшую душу.
Но я ли, скажи, наше счастье с тобою разрушил,
И сердце мое в темноте заключил я, не ты ли?

Прости

Пишу Вам зачем-то... Зачем? Я не ведаю сам.
Чтоб выразить полностью чувства, мне слов не хватало,
Но падаю снова, что раб, только к Вашим ногам,
Под ребрами чувствуя вновь ядовитое жало.

Ах, как же, казалось, все это случилось давно!..
Сквозь смог дней прошедших едва ли могу все увидеть.
Но сердце не даром, я верю, мне было дано,
Я Вас полюбил не за то, что не мог ненавидеть.

Вы солнышка лучик, согревший мои небеса,
Вы доблестный рыцарь с душою невинной ребенка.
Я Вас вспоминал, и, рассеявшись, падала Тьма,
И Душу Мечта, умиряя, лобзала столь робко.

Вновь падая ниц, умоляю безумца простить,
И вновь, как безумный, устами к ногам припадаю.
Мне горестно думать (клянусь в том!), что тонкую нить
Холодные руки мои разорвали меж нами...

Молитва

Что труп бездыханный, простерся у самых ног
Безумец презренный, твой след запыленный лобзая.
Святошами изгнан, позором клейменный, из Рая
Я вновь приползаю к Тебе, мой карающий бог.

Сокрывшись меж стен, испещренных времен письменами,
Я здесь отдыхаю, единственный жрец, с госпожой,
Здесь раны сочатся, что срез, благовонной смолой,
На время годами гниющие язвы скрывая.

Пусть кажется мною воздвигнутый храм и унылым,
И стены из сложенных мраморных плит столь хрупки,
Поверь, дорогая, не ложь к Тебе чувства мои,
Тепла Твоего никогда не забуду, богиня.

Инфанта, я раб Твой, своим упивайся триумфом,
Взойди на престол и венец на главу водрузи!
Останься и властвуй в моей распаленной груди,
Забудь – о, молю! – о сиянии Небес на минуту!

Но... Нет, Ты из сотен моей лишь мольбе не внимли:
Мне, мне быть под толщей сердечных руин погребенным!..
Я вновь возвратился к Тебе, но с душой иссеченной...
Своими слезами Твои искупаю грехи.

Мечта

Алое пламя объяло, лобзая, твой стан,
Я ж, словно Цербер, сижу у подножия трона.
Как же коснуться тебя я, принцесса, желал,
Но не нарушу, клянусь, себе данного слова.

Прах поцелуев сдувает злой ветер с ланит,
Тех поцелуев, что я подарил тебе прежде.
Тяжкою думой омрачен твой ангельский лик,
В пламени бьется, свиваясь, слепая надежда...

В сладостных грезах твоих мы гуляем вдвоем
По коридорам и залам прекрасного замка...
Кто я? Лишь гость в голодающем сердце твоём...
Хладом могильным сковало неожиданное счастье.

Сон твой, потерянный меж шелковистых ресниц,
Я танцевал, как дитя, чужим преданный лицам.
В мыслях моих и фантазиях падаю ниц,
В жизни же я не желаю тебе покориться.

...Лед и Огонь не способны быть вместе, пойми,
Третий, незримый товарищ нас держит за руки.
Страсть, разрастаясь, рвет кожу, стремясь из груди
Вырваться, телу приносит лишь адские муки...

Спи, моя радость, и страстию грезь наяву,
Я ж, как шакал, все терзаю холодные трупы...
Вырвав из уст твоих нежное слово «люблю»,
Я не забуду, клянусь, этой счастья минуты.

Одиночество I

Как ручей, что не станет, увы, полноводной рекой,
Сын свободы, по камням несу мускулистое тело.
То свиваясь как змей, то клонясь, словно гибкое древо,
Поднимаюсь все выше, скалу попирая ногой.

Обжигает уста родника ледяное журчание,
Дыма запахом манит к себе незнакомый аул,
Ветр разносит по скалам коней непокорное ржание,
Неподвластных потоков воды устрашающий гул.

Бархатистым ковром расстилается мох под ногами,
Изумрудом играет трава в золотистых лучах,
Сводолюбливый крик прорывает гор мрачных молчание,
Гонит с гиканьем прочь застарелый, предательский страх.

И зачем мне, скажи, вольный Ветер, смрад города душный?
И зачем родниковой водице, вливаясь в поток
Грязной, гиблой воды, средь гнилья помышлять простодушно,
Что теперь, в темных трубах под городом, не одинок?

Только гордый орел достигает вершин недоступных,
Тень с высот не бросая на стаи глумливых вранов.
Я хочу умереть вольной птицей, отведавши крови,
А не падаль терзать, не заметив за ней облаков.

Память

Образ возлюбленной к груди, робея, прижав,
Чувствую только тепло своих рук сквозь рубашку...
В каменных залах запрятан мой собственный Ад,
Стонами ангелов режущий Жизни запястья.

Падают на пол, как бусины, мерно стуча,
Капли свинцовой души, на морозе кипящей.
Сердце горит, но поникла седая глава...
Те, ради счастья чьего от себя отказался,

Где они? Где их любовь? Обещали согреть,
Но лишь оставили гнить, пребывая в прострации.
Некому слушать и некому больше жалеть...
Молча терплю, опустив в огонь хладные пальцы.

...Ночью и днем мы шептались, не ведая бед,
Зная, не-зная о том, как все было прекрасно.
С червем погрозший в земле расчленен Человек...
Знай, не смогу воссоздать уже прошлого счастья.

Где ты? О, где ты, любовь моя – прежняя Жизнь?
Вспомни: устало снимав подвенечное платье,
Вырвала ты, ухмыльнувшись, мой грешный язык,
Чтобы, взывая к тебе, сон не мог твой прервать я.

At first sight

Смотришь на меня и тупишь очи,
Я же вновь в тебе теряю взоры.
Кажется, все время, что нас помню,
Мы с тобой шептались в мраке ночи.

Часть твоя жила во мне с рождения
Встретились – вдруг вырвалась наружу.
Нежность сердце впрыснуло под кожу,
Словно в миг один любовь познал я,

Ведь ее не знал минутой раньше,
А теперь снисходит озарение.
Ты, лишь ты мой милый, нежный ангел,
Лишь тебя душа ждала смиренно.

В пропасти невежества бездонной,
Как слепой, твое кричу я имя.
Греет вновь меня твоя улыбка,
Вновь у ног твоих я, покоренный.

Что же нас, скажи, теперь разлучит?
Смерть ли – ангел с черными крылами?
Знай, любовь витает между нами,
И любить нас вряд ли кто разучит.

Звездная пыль

Ногтем нацарапав признание на мерзлой земле,
Накрою его обнаженною грудью, смутившись,
Скрывая от глаз любопытной Луны, той, что в нише
Меж туч укрывалась когда-то со мной в тишине.

И кажется, все остается в мирке моем прежним,
Все те же колючие звезды со мной говорят,
Но крылья стальные, царапая спину, болят,
И вряд ли смогу оседлать вольный Ветер, как прежде.

Ведь Вы, друг бесценный, хранитель бесчисленных благ,
Лишь лаской меня одарив, опустили на землю,
И, сладостный дар обещаний, столь зыбких, лелея,
Вослед госпоже в путь пустился покорнейший раб.

Вы дали мне крылья, чтоб я улететь не могла,
Под тяжестью их, словно юная вишня, сломившись.
Лишь в грезах своих возношусь вновь над миром все выше,
Желая оставить лишь бременем страдания и страх.

А здесь... Я покинута Вами, отвергнута снова:
Достали светило, чтобы в грязь, обозлившись, втоптать,
Хоть было известно: не может без неба сиять
Звезда, как и птица не может запеть без свободы.

Желаю отчетливо взор Ваш презрительный видеть,
Хотя б чтоб мне плюнуть в лицо, обернитесь лишь раз!
Расплывчатый лик, столь родной, в слез дрожащих волнах...
От Вашей руки, мой палач, суждено мне погибнуть.

И я принимаю с улыбкой счастливой судьбу.
Столкните меня вниз с уступа на острые скалы!
Разверзнувши крылья, на миг я опять засияю,
Но пылкой любовью Вас больше смутить не смогу.

Юная немка

В сердце сквозь камень предательски быстро пророс
Самый прекрасный из виданных мною цветов,
Нежный и чуткий, беззлобный средь колющих роз...
Им любоваться, казалось, всю жизнь был готов.

Кто же водою бесплодную глину смочил,
Щедро в песок, оживляя, вносил чернозем?
Бледные руки, прошитые нитями жил...
Грезы столь сладки о светлом видении моем.

Взор искушенный, округлый, волнующий стан
И на устах столь пленительно чувственный вздох...
Жаль, речь твоя, чужестранка, претила ушам,
Слов твоих нежных, признаний понять я не мог...

...Ночью покинул воздушный корабль свой порт,
Долго светился, гостей провожая, Берлин...
Где-то, меня и себя не понявши без слов,
Плакала немка, оставшись давно позади.

Das schwarze Meer

Полночи встречался, казалось, я лишь с темнотою,
Ведь в память запала из красочных грез лишь одна:
Столь виделось ясно иссиня-зеленое море,
Мой бриг, поглощая, накрыла собою волна.

Катились товарищей трупы по палубе мокрой
И парами падали в моря разверзнутый зёв,
Туда же, вслед мачте, живой полетел с горьким воплем...
И сердце от жалости, скорби сильнее зашлось.

Лишь ты, ухмыляясь, за этим следил безучастно
И, бочку китового жира на ял погрузив,
На тросах, как демон, в бездонную пропасть спускался,
Лишившихся чувств, полумертвых на гибель забыв.

Но судно все билось, валы вокруг него грохотали,
Соленую влагой пробитый наполнился трюм...
Подкинутый ввысь и отброшенный резко на скалы
Средь волн показался на миг обезглавленный труп.

А только, казалось, над нашей судьбою смеялся,
Хулой потрясая разрядом расколотый свод,
С проклятьем на главы друзей среди волн появлялся!..
Ужели всех нас, милый друг, ненавидеть ты мог?..

...Волнение утихло, и небо за час прояснилось,
Избитый корабль пригнало прибоем к берегам,
Но сердце все так же в груди иссеченной томилось...
Вновь бросился я, обезумев, навстречу волнам.

Пусть ты и покинул, возможно, совсем не случайно
Клинок между острых лопаток моих позабыв,
Поверь, добрый друг, я во сне о тебе горько плакал,
Твой труп бездыханный в керсту саморучно спустив.

Кто я?

Кто я?.. Богов бесславное творение,
Ночных трудов их, одиноких дум...
Мне люд не рукоплещет вдохновенно
И дамы не зовут меня в бреду.

Я не богат, не беден и не весел,
Я не один, но все же одинок...
Пусть до небес со словом чудной песни
Стон всех моих страданий не дойдет!

Как я хочу... хотел бы стать хоть кем-то,
Но от природы быть рожден... никем.
Уже сгубил в себе талант поэта,
Взывав своих товарищей к борьбе.

Нет-нет, я не оратор (не дай Боже!),
Пусть и люблю порой повесить глас,
И не бунтарь... Друзья мои, как можно
Восстанием назвать сей монофарс?

Я жалок? Может быть. Зато я честен
Пред вами и пред Богом... пред собой.
А вы, друзья, похвалитесь хоть этим
Иль только посмеетесь надо мной?

Я буду помнить!

Мой милый друг, тебя зову опять...
Чрез жизнь меж нами протянулась нить.
Поверь, тебя боюсь я позабыть
Почти так, как боялся потерять.

Ты в памяти моей еще жива...
О друг, как мог тебя я не любить?
И как могла ты мне всю злость простить,
Которую излил я на тебя?

Прости, прости, молю! В сей скорбный день
Столь горько плачу я, как в первый раз,
Когда впервые жизнь в меня влилась
И изнутри давила грудь сильнее.

О, почему тот яркий белый свет,
Что много лет назад меня принял,
Тебя, мой добрый друг, сейчас забрал
И, знаю, не вернет обратно мне?

Но верю я: вновь нашей встрече быть,
Когда слепящий свет придет за мной!
И верю в то, что мой удел земной —
Тебя до новой жизни не забыть...

Jede Bewegung ein Schmerz¹

Вижу: замешкавшись, вся подобравшись, застыла,
Вспрыгнула, мягкие лапки поставив, на стол мой,
Только исследовав оный внимательным взором
Глаз малахитовых, в кошки обличии богиня.

Ноги мои же изранены, в крови и гное...
Может, лишь старым став, кошка, тебе уподоблюсь,
Стану таким же свободным от горя и боли,
К сердцу впредь буду людей принимать осторожней?

Кошка, ты старше меня в наши юные годы,
Немощью старческой, дрожью наполнились члены.
Выдох хрипящий и вдох... В потухающем взоре
Тайна одна на двоих: мука в каждом движении,

В шаге, во вздохе, в полете мечты неприступной,
В первом прыжке и последнем, на стол и обратно...
Радуйся, кошка, что было тебе недоступным
То хоть, чем буду и в следующей жизни запятнан...

¹ Художественный перевод стихотворения Эриха Фрида «Sie wird alt» из цикла «Ein Leben in Bildern und Geschichten» с вкраплениями авторских размышлений.

Der Seemann

Об обшивку море трется... Только с верфи, просмоленный,
Мой фрегат вперед стремится, рассекая грудью волны.
Из-за гиблых вод богиня призвала меня, не скрою,
Смело встал я у штурвала и друзей позвал с собою.

Ветер, здесь ты? Песней бравой мы разгоним сон и скуку,
Звезды верный курс укажут; проведут меж скал за руку
Разум, карты... Провиденью душу я свою доверю,
Отчий дом в молитвах вспомню, не предам семью забвенью.

Пена хлопьями залепит в краткий миг слепые очи...
Как же дышится привольно! Не тоскует сердце больше.
Не скажу своей богине, что, узнав свободу ближе,
Предпочту гулять по понту и взлетать на гребень выше.

Пусть оплакивает фройляйн плащ, изъеденный солями,
Так легко рукой жестокой враз заброшенный на скалы.
Здесь меня ничто не держит: всем на суше дарят цепи,
Я же раб морской стихии и сколочен был на верфи.

Frau Welt²

Я пришел в бренный мир и дошел до того,
Чтоб, повысив свой голос, спросить:
«Жизнь кипит на земле и в воде глубоко...
Как пришли все к тому, чтобы жить?

Для чего вольный дух долго ищет тела,
Сам себя заключает в тюрьму,
И потом в теле том истязает себя?
Добрый Бог, как пришел *Я* к тому?»

И, склоняясь ко мне, отвечает мой Бог,
Потрепав чуб серебряный любя:
«Ты пришел в этот мир, чтобы *жить*, милый друг,
Но тебе уходить уж пора».

² Художественный перевод одноименного стихотворения Эриха Фрида.

Подражательница

Страсть клокотала, пушистою пеной
С громким шипением плеща на угли
Ревности бурной... Смутившись, краснею,
Зная, что Вы предо мною чисты.

Вы не любили, но я – обожала.
Словно мустанг: своенравна, горда,
Искры любви из камней высекая,
Вы взбудоражили даже меня.

Я подражала Вам, тщетно пытаюсь
Отклик найти в непокорной душе.
Вы же, надменная, лишь насмехались,
Черный огонь разжигая во мне.

Робко касаюсь изящных ладоней
Превознесенной богини своей.
Ах, почему аромат Вашей кожи
Сводит с ума лишь меня, все сильнее

Пламя преступной любви распалая?
Сердце зашлось и все глубже рубцы...
Я, вдруг смирившись, по ветру пускаю
Пепел безумной, но сладкой мечты.

Несказанные слова

Твою тень я безмолвно лобзаю...
Находя рук тепло в темноте,
Как голодный к нему припадаю
И вновь бьюсь в голубой тишине...

Я тебя полюбил всей душой...
Зачарованно глядя в глубь глаз,
Находил все ответы на тайны,
Что сокрыты меж строками фраз.

И не раз доставал из могилы
Ты меня, разлюбившего жизнь...
Почему же теперь покидаешь,
Свергнув словом проклятия вниз?

Нет, без слов, просто так, словно призрак
Растворившись в предутренней мгле...
Ты ни разу не ждал благодарности,
Но я был вечно предан тебе...

Бьется пламя свечи меж ладонями...
Знай, тебя предавал и не раз,
Но молчал, лишь тобой очарованный
С философской тоскою в очах...

Знай, что дружба – немое страдание,
А признание – жгучая боль.
Уходя, милый друг, эту тайну
Ты, крадучись, уносишь с собой.

Моя борьба

Пусть слез моих терзаний смехотворных
Не обличит народная молва,
Знай, жив средь нас врагов чужих угодник,
С ним был, увы, знаком и ты, и я.

Очей прелестных непорочный взор
Не раз смущал лжецов крылатых сонмы.
Стараясь скрыть от глаз Его позор,
Менял не раз я, словно демон, форму,

Менял обличья, маски; злой оскал
Надев замест приветливой улыбки,
Я сам собою, как ферзем, играл,
Забыв за раз все прошлого ошибки.

То, позабыв о преданных друзьях,
Предатель, с их врагом водил знакомство,
То, пойманный, самозабвенно лгал,
Не нанося ранений смертоносных.

Но очей незаметных тяжкий взор
Лежал на мне, лишь грудь сверля упрямо.
Ах, если б я заметил в них укор,
То мог бы избежать душевной травмы!

Но был, увы, сражен ударом в спину,
Раскинувшись, пред Отражением пал,
И в зеркала таинственной улыбке
Заметил Совести презрительный оскал.

Осужденный

Мир застыл, улыбки вянут,
Душит смрад гниющих тел...
Сотню лет прожив, обманут,
Я достиг, чего хотел.

Там солгал, где промолчали,
Там признался, где солгут...
Руки склизкие Печали
Не ослабят жизни пут...

На алтарь людьми возложен
И Реальностью разбит,
Терпкой кровью не напоен
Правдолюбцев-волокит.

Что есть жизнь, что – отраженье?
Мир безумней с каждым днем...
Там рыдают, где веселье,
Смехом гонят с похорон.

Кто враги, друзья, родные?
Кто есть Я, а кто – фантом?
Так мечтал огнем согреться,
Но опять обжегся льдом...

Искры Мрака очи слепят,
Тени Света все темней...
Жизнь пожрала душу; тела
Ждет с ухмылкой дикарей.

...Жгут тугой взложил на шею,
Смех убийцы крошит сталь...
Пусть умру! Неправда это...
Я достиг, чего желал.

Пророк

Сердце зашлось вдруг, стеною в неволе,
Грудь лишь усилием мерно вздымалась.
Я изнывал, всеми преданный... Больно...
Сам виноват был в том... Я понимаю,

Жизнь есть борьба, чужд сей мир состраданию,
Ржавую клеть не сломить хриплым стоном...
Пред эшафотом главу преклоняю,
Лишь улыбаясь... И в смерти ирония!

К людям стремившийся, был я отброшен,
Звавший, увы, в суете не замечен.
Я, погрузив одиночества ношу,
Тихо ушел в лета солнечный вечер.

Сроднен грозе: то, вдруг вспыхнув, угасну
Молнией – рокотом катится ярость,
То, вдруг скорбя над судьбою ужасной,
Плачу один, сердце сдавлено... Страстно

Брошу осколки души, в мягких травах
Их затеряв... Но зачем эти муки?
Мир тленный в тине погряз и со скуки
Проданы чувства... Усилием правых

Тщетно старался до вас достучаться...
Люди, очнитесь, глас Неба услышьте!
Бог, уж смилившийся, бьется в страданиях...
Крик ярых всадников слышен все ближе.

Святой

Друг милый, сядь со мною рядом,
Налив игристого вина в бокал.
Пусть вспыхнет мир на миг в сиянии алом,
Что дарит нам Диониса нектар.

Ты бледен... Друг мой, ангел, идеал,
Глоток же сделай из сего фужера!
Сапфиром гибельным блеснит тоска
В мистической луны сиянии белом...

Ты нездоров? С ланит румянец сходит,
И влагой взор очей подернут твой;
Морщины тяжких дум чело бороздят...
Ну, ангел мой, признайся, что с тобой?

Что ж ты молчишь, дрожишь, как в лихорадке?
Лишь фраз срываются обрывки с бледных губ.
Красавицы на лесть, поверь мне, падки.
Ведь из-за женщины ты плачешь, друг?

Но нет, молчи, я знаю, в чем подвох.
Я видел, ты в питье подлил отраву.
На дне бокалов притаился рок...
Меня хотел ты уничтожить ядом?!

Будь проклят же, Иуда вероломный!
Секунда – вспыхнет в сердце крысы сталь.
Пади же ниц перед клинком, позорник.
Знай, долго ты душой моей играл!..

...Но видел я, как нежная рука
Твоя, считая капли, задрожала,
В очах чудесных вспыхнула тоска...
Уйди, предатель, я тебя прощаю.

Одиночество II

Верь, милый друг, мне не нужно ни Ада, ни Рая,
Да и богатств свет слепящий давно опостыл.
Жду лишь, когда ты, смущаясь, прошепчешь: «Внимаю»,
В тьму отодвинув курящие чаши кадил.

Знаю, когда-нибудь ты позабудешь о смехе,
Тихо присядешь к огню и, не смея вздохнуть,
Мысли чужой, обжигаясь, коснешься, поверив
В чуждое сердцу тепло человеческих чувств.

Я расскажу великом враге – Люцифере,
Словом способным кровь в сердце заставить кипеть...
Я докажу, старый друг, что опасно Смирение
Тем, кто бескровным покинул прогнившую клеть,

Тем, кто спешил все вперед, приключениям навстречу,
Нервно отбросив груз пагубных мыслей во тьму...
Быстро на шеи обретших свободу, калеча,
Демон набросил уж петлю из дьявольских пут...

Я расскажу о Любви, что сжигала мне душу,
Злой, беспощадной, но близкой Иисусу любви.
Знай, как безумец пылал к Человечеству чувством!..
Жаль, покорежено сердце глупцами людьми...

Я расскажу о страданиях тебе, не смущаясь,
Только не брось меня в этой безмолвной тиши!
Кожи, лобзая, коснулся хлад... Смерти дыхание...
Что ж, я готов, милый друг, и ты можешь идти...

...Слушай, как Ветер, стеная, читает молитву,
Слушай, как плачет Луна в тишине, но не слышь,
Как человек, убивая в себе Человека,
Шепчется с Ночью и «другом» зовет свою Жизнь.

Фетиш

Венеры пламенных ланит
Чудесный свет и сладость губ Дианы...
Гармонии прелестной гибкость стана...
Пандоры любопытный взгляд...

Манит к себе очей стеклянных взор,
И восковую бледность холодной кожи
Оттенит волос золотых убор...
Ах, как же ты на смертную похожа!

Но ты лишь кукла – холодный идеал
Той красоты, что юношей тревожит.
О, идол, слышишь? Я твой верный раб,
Уж выжжено клеймо любви на коже.

В молчании скупом шипы,
А страсть моя в ночи все глубже...
Ласкают душу гнусные мечты,
И разум здравый с чувствами не дружен.

Люби меня, безгласный истукан!
Хочу твоим я телом наслаждаться...
Попался демон в пламени капкан.
Играй со мной, огонь, но... издевайся.

Лишь вспомню я, как ласково в руках
Тебя моя любимая сжимала...
О, кукла, вновь я страстию объят!
С тобой, фетиш, живой мне уж не надо.

Сделка

Лобзает пламя бледную ладонь,
Трещит бумага, аспидом свиваясь.
Вновь сердце рвет безжалостная боль,
Голодно воя между стен страдания.

Терзает душу темный херувим —
Он выполнил условия контракта,
Того, что пламя с треском поглотив,
Извергнуло на землю Божью прахом.

Я продал душу демону Ами³
За дружбы миг, что был на Рай похожим.
Мечта моя рассеялась, как дым,
Предательский оставив след на коже.

Подобен мне, товарищ-идеал
Возник из тьмы с приветливой улыбкой.
Он нежен был со мной, как кровный брат,
Но все же дружба с демоном – ошибка.

Молчал я сухо, стоя перед другом,
И лик его был думой омрачен.
Текли секунды мерные послушно...
И дар мой растворился, словно сон.

Я мог быть не в себе от горя, знаю,
Но лишь молчал, смилившийся с судьбой.
Бездушный: ни мечты, ни страхов,
И лишь в груди, стеною, бьется боль.

³ Ами (Amy) или Авнас (Avnas) – пятьдесят восьмой дух, великий губернатор. В его службу входит давать замечательные знания в астрологии и во всех свободных науках. Также Ами дает хороших друзей (демонов-хранителей) и может выдавать сокровища, которые охраняются духами.

Зазеркалье

Тщетно плутая в чертогах величия Разума,
Бился о стены безумец, искавший Покоя.
Лишь тишина гордо крикам внимала отчаянным,
Сжавшись, как загнанный голубь, в стеклянных оковах.

Тьма непроглядная очи застлала саваном,
Свет обжигает, струясь между пальцев сиянием,
Что-то царапает изнутри, бьется в агонии...
Вырваться просится вон сила злая.

Падаю, руки воздею лишь в безмолвном призыве...
Рви меня в ярости, Смерть, и, насытившись болью,
Выпусти свет мой на волю, архангела сын!
Выпив грехи мои, дай мне свободу...

Вдруг, оглянувшись, замечу прелестное чадо,
Что, наклонившись ко мне, с любопытством взирает.
Смутно в очах его темных заметив Смирение,
Я припадаю с улыбкой к губам его хладным...

...Зеркало, тихо звеня, отвечало лобзанием.

Занавес

Ласкает ветер бледное чело...
Точеных рук изящное движение,
Признания трепет и в груди томление...
Прости, я уйду тебе назло.

Взгляд мрачный томных глаз, дыхание с губ,
Целованных весной, сорвалось скрипом...
Последний вечер был мне люб:
Крейсируя в вине любви игристом,

Я не боялся опьянеть. То, словно паж,
Клонил главу пред молодой дамой,
То, вдруг бросаясь едкой эпиграммой
В господ, красавиц брал на abordaj.

Лишь ты, надменная, смеялась надо мной
И сыпала глумливыми словами,
Но, надышавшись винными парами,
Не кичилась уже своей красой.

Но свет погас и вновь затихла зала,
Забыв друг друга, гости разошлись.
Потух очей свет дивный и наряды,
Сияв всю ночь, вдруг потеряли шик.

И ты, бриллиант, сверкавший меж кудрей,
К утру весь блеск чудесный растеряла...
Туманит влага свет твоих очей...
Но слез твоих мне, гордая, не надо.

Ветер

Холод изранил клинком обнаженное тело,
Волны, кипя, бьют о камни седыми главами,
Ливень стегает по лицам, свистя озверело,
С кровью смешавшись, спадает на землю слезами...

Ломкие крылья подставив гневливому ветру,
Вижу, как яростно рвет он пушистые перья,
С криком протяжным кидая их в грозное небо...
Я Вас любил, милый друг, и как ветру Вам верил...

Тихо парив над землей, я в преддверии Рая
Дивно играл в облаках с непокорным Зефиром...
Что же теперь? В тьме горящее сердце бросаю
К Вашим ногам и от боли падения бледнею...

Ненависть в моде, но я не могу ненавидеть...
Скорбь, отразившись в глазах, в миг состарила лица.
Свергнутый ангел без крика разбился о скалы...
Я же пред смертью с тобою не мог не проститься.

Дыхание Смерти

Почувствовал дыхание на затылке —
Холодное дыхание могилы.
Так дышит Смерть: кладбища хладом, гнилью,
Широкий зев голодно раскрывая.
Я чувствую Ее прикосновения.
Все ближе, ближе... Не могу так больше!
И голос вкрадчивый мне шепчет в тиши:
«Жить в темноте страшнее»... Так схвати же
Меня, Костлявая, скорей за горло!
Одним движеньем оборви все нити.
Я не боюсь тебя, страшусь лишь боли...
Лежу в Ее объятьях... Припадает,
Прокусывая кожу, демон к сердцу
И, ненасытный, пьет воспоминания...
Вновь сам себя жестоко истязаю,
За сутки проходя все круги Ада...
О, сколько зла за жизнь я людям сделал
И сколько раз, предатель, был обманут...

Морена

Разбазарила Денница снопы чистого огня,
И святая Ночь-царица власть на время приняла.
Вот, наряд осыпав щедро кабошонами каменьев,
Словно пышные знаменья, развернула смог и мрак,
Перья острые, как стрелы, черным ядом напитаю,
Гордо плащ на плечи кинув, вознеслась Она над миром...
Вслед, что юный алагари, шли Князья, чеканя шаг.
Преисподней врат стальные, застонав, разверзлись крылья,
Тьмы ужасные творения взвыли, в люд вселяя страх,
И за Никтой полетели вскачь на огненных конях.
Зароптав пред Смерти дочерью, застилали дымкой дол
Среброликие видения, вдруг восстав из мглы ночной...
Все накрыто тенью, тишью... На погосте жизнь кипит.
Ночь, приданница младая, принимает волокит:
То, смеясь, перстом поманит, злато, сан, любовь сулит,
То, ярясь, бичом стегает и клянет чумою их...

Я бы так хотел, покаюсь, побывать на том пиру,
Что, клянусь, магнитом тянет на кладбище ввечеру.
Лишь туда, где Скорбь гуляет, полумраком дол залив,
Ночь меня с улыбкой манит, трон меж стел установив.

Игрок

Так глупо понадеявшись на чудо,
Я руку протянул и вдруг отпрянул.
Стоял безмолвно, словно бы раздумал —
На самом деле вновь заныли шрамы.

Зачем мне слезы лишние? Зарница
В эфире алым стягом полыхает...
Боюсь обжечься вновь, и вновь, как птица,
Скорбеть о том, кто другом моим станет...

Быть может, я желаю слишком много?
Нет идеала в этом бренном свете...
Луна товарищ... Пред одной в ответе
Я – тот, кого не раз уже бросали.

Мне говорят, я скучен, бесполезен...
Швыряют словно куклу в гнев на пол
И, наступив на грудь, ждут сладкой лести,
Но горд я, чтоб молить, лишь, скрывшись, плакал...

Мечта найти того, кто понимает,
Утопия, но что еще поделать?
Глава на грудь безжизненно сникает,
В порезах бьется, затихая, сердце...

Напиться б крови, слизывая капли,
Что с гулким стуком падают на кафель...
Хочу играть на Жизнь со Смертью в карты
Как вы, друзья, душой моей играли.

Кровь на снегу

Адскою болью в сиянии сверкает
Кровь на снегу... Я не чувствую ног.
Смерти путы на ходу разрывая,
Я обману, обойду страшный Рок.

Режет мороз обожженные лица,
Мрак застилает больные глаза...
Я не желаю судьбе покориться!
Вновь разъедает мне кожу слеза...

В ярости ветер срывает одежду,
Гневно бросает осколками льда.
Знай же, Борей, в муках сгинув, родится
Вновь обновленной святая душа.

Нежное пение вновь усыпляет,
Дышит победою смех января.
Больше нет сил... Может, стоит смириться,
Сладко забывшись в объятиях сна?

Пусть же хрипит надо мной непогода,
Мир покрывает безликая мгла.
Холодом ранен, лежу, умерщвленный,
С вечной улыбкой в стеклянных очах.

Печальный ангел

Глаза – два озера лесные,
Слеза – прозрачная слюда.
И непонятною тоскою
Луна ланиты залила.

Ресницы – грустных дум забрала,
Воспоминаний и обид.
Сокрытая доныне тайна
Зовет, волнует и манит.

Кто ты? Посланник светлый неба
Или родитель темных снов?
Ответь, прекрасное виденье,
Тебя я выслушать готов.

Что за печаль тебя тревожит,
Туманит светлое чело?
Что тебя, Ангел, беспокоит?
Не знает этого никто...

Одуванчик

Сколько солнечных лучей нужно, чтоб согреться?..
Мне из тысячи один милым был для сердца.

Нежный, пахнувший травой, детскою печалью
Одуванчик луговой, оробев, срываю

И, пушистую главу прижимая к груди,
Слезы я, смеясь, утру... Слезы счастья, люди!

Разнотравье так блестит рос прохладных влагой!..
Света луч в моих руках, согреваясь, вянет...

В тот же час за тучей лик свой сокрыло солнце
И в ужасный сердцу миг грома гул пронесся.

Как вернуть хотел бы я ту минуту счастья...
Ничего, цветы растут лишь быстрее в ненастье!

Врагу

Вражда – игра,
И нет победы слаще
Чем предугадывать соперников шаги.
Вот ты в игре:
Глаза горят азартом —
Соперники сегодня хороши...
Но ты быстрее,
Твой Демон в настроении,
Ты оступился – но не кончен бой.
Заставь врага вкусить пирог смиренья
И поведи, как друга, за собой.

Король умер

Сеточка вен, обнаженная кожа...
Пал я, как кукла разбитая, навзничь,
Сквозь пелену вновь услышав твой голос...
Где я? Уж мертв... Или нет? Я не знаю...

Тонкая грань, что грозит надломиться,
Давит на душу и тело терзает,
Смерть стучит в двери, голодная, злится,
Ночь очи саваном кроет кровавым.

Яд кипит в теле и рвется наружу,
Жизнь предо мною проходит, лобзанием
Выпив слез капли преступные... Боже!
Кажется, близится час сей коварный...

Ангелов сонмы склонились в печали,
С плачем обьяв распростертое тело...
Бог уж зовет меня, тянет на небо,
Лик свой умыв в белоснежном сиянии.

Хрип с губ моих не сорвется на радость,
Мама, тебе и безжалостным братьям.
К тем, кому грешник живым был не нужен,
Пусть боль моя возвратится проклятием!

Вновь

Вновь одиночество кружит в чудесном вальсе,
Гремит прискорбный марш среди зеркал,
Стенает, в сводах вычурных теряясь...
Мне страшно, но, увы, того желал.

Вновь пляшут блики на Ее руках
И гонят прочь привязанностей тени.
Склонившись вновь пред месяцем, как раб,
Смирено я оплакивал потерю.

Луна безмолвно на меня взидала,
Роняя слезы хладные на землю.
Пурпур смущения лунный лик обагрил,
Как смерти лютой жуткое знамение.

Ты предо мной в гробу... Могильный хлад
Не раз лобзал твои слепые очи.
Сменив на траур праздничный наряд,
Смеюсь лишь, как безумец, в час полночный.

Я был изгоем, рифмоплетом мрачным,
Прощал не раз и вновь гонимым был.
То, другом преданный, рыдал в несчастье,
То, вновь лжецом приласканный, любил.

Но был покинут – вновь и навсегда,
И вера, в сердце жившая, иссякла.
Погибла в муках нежная Душа...
Вновь груб и нелюдим... Как и желал я.

Но стоит только поманить рукой —
Вновь бывший мертвецом воспрянет.
И сердца, уж утихнув было, боль
Вновь свергнет душу в бездну из страдания.

Глаза

Пряча тщетно очи утомленные,
Ты бежишь, скрываясь от меня.
А когда-то я, в тебя влюбленная,
Опускала томные глаза.

Мукой были ночи эти темные,
Одиночества душила пелена.
И во сне, мечтою крепко скованном,
Безотчетно я тебя звала.

Вспыхнули луны лучи багряные,
И сошла, как пенная волна,
С сердца моего, стрелой пронзенного,
Меланхолия преступная моя.

Не зовите, очи потупленные,
Больше ваша сила не страшна.
Словно шипы роз вы, опаленные
Пламенным дыханьем января.

Обличитель

Смрад тел гниющих щекочет ноздри,
Капли слюны с губ срываются вялых,
Адское пламя, треща, лижет кожу...
Я лишь мертвец, но и мне стало страшно...

Отблеском алым уродуя лица,
Ночь уж крадется, стена уныло,
Ужас рвет кожу стальными когтями,
Встать помогая архангела сыну.

Бьет плетью Смерть, но не чувствую боли.
Крылья обуглены, жизнь пахнет гарью...
Жалобный крик разорвав хриплым стоном,
Висельник в небо свой взор устремляет...

Мертвые души – безликие люди
Молча склонились пред мрака владыкой...
Пав ниц пред Богом, пью слезы боли,
Плача, умывшись в крови херувимов.

Падшие люди с глумливой улыбкой
Ташат на суд свой невинные души...
Сдохните, твари продажные, сгиньте!
Солнца свет, вспыхнув, погас вдруг... Ненужный.

Мучитель

Рвет демон сотни тел чужих на части,
И вновь разверзлась бездна... Что мне муки?
Ты отвернулся вновь, не видя пасти,
Из коей я тяну в призыве руки.

Лежал у ног, тебе осточертевший...
Багровый диск в тьме душной утонул,
А Дьявола безжалостный приспешник
На руки мне взложил гром жуткий пут.

О, если б крик сорвался с уст моих,
Клянусь, себя убил б я пред тобою.
Но пусть, брат мой, ты враг моей души,
Боюсь тебя смутить я видом крови.

Прелестный Ангел лишь взирал... Весь в шрамах,
К нему я, грешник мерзкий, не прильну.
Привязанность слепая... Но найду
В любви своей преступного едва ли.

Ах, если бы в душе Его жила
Хоть часть той страсти, что во мне пылала!..
Поверь, без слов отвергнул бы себя,
Пусть доселе других людей не знал я.

«Исполненным стыда любовь признал...»

Исполненным стыда любовь признал...

О, чар ее убийственные сети!

Зачем Тебя тем днем холодным встретил,

В души своей пустил просторный зал?

Воззвав к Тебе, с дверей печати снял;

Ты за собой вела всех князей Ада...

Зачем, скажи, принцесса, дорогая?

Чем раб Тебя презренный прогневал?

Ведь я не знал ни страсти, ни печали...

За что теперь мучительные пытки?

Вновь пред Тобой пал ниц, в крови омытый...

О, мой палач, умерь мои страдания!

Дай волю мне, позволь разверзнуть крылья!

Но нет, сжимай в объятиях, не пускай...

Я вновь один среди пустынных зал...

С Тобой наедине, моя богиня!

Клянусь Тебе своими Небесами,

Клянусь всем тем, что раньше умолчал:

Нет на земле ни в ком подобных чар,

Такой, как Ты, поверь мне, не встречал я!

Пусть знаю, что высокой будет плата.

Путь мой суров, но верен он один.

Тот, кто собой гордился, нелюдим,

Лишь пред Тобой главу склонил... на плаху.

Утро принца

Священный Феб в сияние облачится,
Разбуженный с утра прикосновением
Прекрасной Эос, алыми перстами
Ласкающей начало новой жизни.

Средь золотых лучей я пробудился
И лапы протянул навстречу солнцу.
Уж раб пред мной услужливо склонился,
Но я, гордец надменный, отвернулся,

Зевнул, поднявшись, начал умываться
Сам (в деле том рабам не доверяю)
И, на коврах оставив ключья шерсти,
Голодный взгляд свой на слугу направил.

Смиренный, он без слов засуетился.
И в тот же миг возникли пред очами
Две сотни блюд из Рога Изобилия.
Амброзии прекрасней не вкушал я!

Прошествовав в зал тронный, я на ложе,
Что бархатом покрыто, развалился и...
Да, еще погладь! Чуть-чуть правее!..

Эх, почему я принцем не родился?

Свеча

Как часто греем руки мы
О свечи трепетное пламя,
В любви к себе не замечая
Всей увядания красоты...

Стекает мутными слезами
Горячий воск с седой главы,
Трещит рассерженное пламя...
Но люди, как всегда, слепы...

Дым едкий вновь стремится ввысь,
Но с птицей где ж ему тягаться?
С галопа перейдя на рысь,
Мир вдруг застыл средь вихря вальса.

И я застыл... Рассеяв дым,
Пред мной прошли воспоминания.
Я жил: любил и был любим,
Как свечи гаснущее пламя...

Безумцев сереброкрылых рать
Пред мной уж в Ад врата открыла...
Бог научил меня летать...
Лишь чтоб затем отрезать крылья.

Лунный свет

Гитары струн чудесное звучание
Тебе я посвятил бы, лишь тебе,
Как в груди, опустевшей вдруг, молчание
И россыпь звезд, горящих в вышине.

Пусть на сердце моем гниющей язвы
Твой чистый взор коснется лишь мельком,
Ведь я уже забыл про боль и сон,
Нечаянно в слепой любви погрязнув.

А ты со мной бывала столь нежна,
Что я, отринув прошлые страдания,
Небес твоих коснуться лишь желая,
Принял достойно титул короля.

И вновь тебе, смутившись, покорился:
Всё, чтоб, возрев с небесной высоты,
Мне тяжкие грехи простила ты
И то, что я, твой раб, в тебя влюбился...

...И шаткий трон, и чувство, чем терзался,
И враз тобой разбитые мечты,
И все, меня чем наградила ты,
Отныне лишь твоим должно остаться.

Спирит

Не замечала я в течение дней,
Закутавшись в халат любезной Тайны,
Как тишь и мрак в обители печальной,
Меж ребер разрастались все сильней.

Я в мыслях там, где робкая Луна,
В глазах моих померкнув перед Вами,
Рассыпалась, холодными звездами,
Что прахом, припорошив волоса.

Клонясь, как мак, поникшею главой,
Душа моя над Вашим изголовьем,
Что любящий супруг, раздумий полный,
Безмолвно охраняет Ваш покой.

Пусть Ваших губ изящных очертаний
Не искривит насмешка над Судьбой,
И сердце пусть достанется лишь той,
Которая предстанет перед Вами.

Пародийные четверостишия

Лермонтову М. Ю. (1814—1841 гг.) посвящается.

О любви (Утес)

Прикорнула баба молодая
На груди широкой, волосатой,
Утром в путь опять пустилась рано,
Словно мужика совсем не знала.

...На спине осталась пара шрамов
И на лбу добавились морщины...
А мужик, прокляв спросонья бабу,
Двинулся изгнанником в пустыню.

Солнце (Белеет парус одинокий...)

Бледнеет солнце золотое,
Уж хладное в уме людском.
Свой тратит свет на край далекий,
Родившись в космосе родном.

...Играют дети, парень свищет,
А Солнце смотрит и... молчит.
Оно красот в Земле не ищет
Не от красот Небес бежит.

Под ним пусть травы бархатистей —
Над ним и небо голубей...
Жаль, звезд свет хладный и лучистый
Грозит концом последних дней.

Люди (Благодарность)

За все, за все людей я презираю:
За мнимые мучения страстей,
За слезы, что любви преступной ядом
Сочились из глубин их злых очей,

За хлад их душ, с презрительностью смежным,
За все, за что я ими был гоним.

Устрой, мой друг, чтоб пламенной надежды
Огонь во мне предательский остыл.

Вампир

Мышиный писк и хлопанье крыла,
Натужный скрип потертой половицы,
Замшелая от времени скамья —
Вот келья прирожденного убийцы!

Лишь душный смрад объял гнилую клеть,
Лишь цепей тяжкий стон сковал запястья...
Здесь червей столько, пауков... Не счесть!
Но в этом ли, скажи мне, Ангел, счастье?

Обители угрюмое убранство
Ветшает с каждым годом... Словно сон,
Скольжу один по залам средь несчастья
В напыщенном величии своем.

...Тонул когда-то в радости и неге,
Друзей и верных слуг был полон двор,
Как вдруг Чума, Смерть лютую лелея,
Отчизну погрузила в смертный сон.

...Я в страхе жил среди гниющих тел,
Как свечи на ветру неспешно гаснул,
Но гибели сдаваться не хотел,
Взложив цепей оковы на запястья.

Пушай придет костлявый херувим,
Я не страшусь его раскрытой пасти!
Сорви вначале, демон, кандалы,
А уж затем своей упейся властью!..

...Не рок злой, а Вампир меня нашел,
Припал к груди, прокусывая кожу...
Злой лязг и хрипы, и страдания стон...
О, как на пытки Адские похожим

Казался мне предсмертный страшный час!..
И как потом я, вдруг разверзнув очи,
Почувствовал, что силой налилась
Часть тела... Так я рыцарем стал Ночи

Своих друзей, оставшихся в живых,
Нешадно, словно крыс, я рвал на части
И, жажду кровью утоливши их,
Рыдал, клейменный дьявольской печатью.

Затем, вдруг Злу отдавшись со всей страстью,
Навстречу новым жертвам направлялся.
То, девушку к себе завлекши, казнью
Ее во мраке ночи наслаждался,

То юношу молодого, как заря,
Во тьму, красавиц подражая пению,
Не раз манил, что демон хохоча...
О, как мне избежать стыда мучений?

...Вот сто проходит лет, вот пять веков,
И жажды чувство быстро притупилось.
Но, боже, где найти друзей, врагов
Тому, кому убийство опостыло?

Быть может, умереть? Душа моя
В груди плененной птицею трепещет,
Рука, упершись, крышку подняла...
Нет, жив... Вновь одиночество калечит.

Тень

Дрожа по-рабски, поднимался
Я по ступеням мокрым к храму:
То, поскользнувшись, вниз срывался,
То вновь спешил, дыша устало...

Она стояла на коленях
Пред монументом и молчала,
Ладони прижимая к сердцу
И взгляд смиренно потупляя.

Я поднял взор и чуть не вскрикнул:
Раскинув пару крыл, над нами
Кружил прекрасный херувим
Без крика зев свой раскрывая,

И капли слез с ресниц срывались
И падали на пестрый мрамор...
Но кровью падший ангел плакал...

...Клонясь кудрявыми главами,
Шумели чудные деревья,
Что буруны пушистой пены,
Туман клубился под ногами.

Раздался голос скрипки юной...
Вдруг перейдя на хриплый стон,
Души моей затронув струны,
Гитары хрипу вторил он...

Прозрачный силуэт мелькнул,
Сокрытый мшистыми стволами...
Моим очам предстал Он вдруг,
Прелестный юноша... Меж нами

Лишь расстояние руки, но пропасть будто...
Я застыл и вперся удивленным взглядом

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.